

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ РАБОТЫ СВЯТИТЕЛЯ ЛУКИ КАК ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЕГО БИОГРАФИИ

О художественном творчестве в жизни святителя Луки (Войно-Ясенецкого) рассказывает в своей статье Екатерина Игоревна КАЛИКИНСКАЯ, кандидат биологических наук, член Союза писателей России, член Союза журналистов Москвы, член Московского научного общества историков медицины, автор биографических книг о святителе Луке и циклов передач на радио «Радонеж».



Известно, что Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий в юные годы связывал свое будущее с художественным творчеством. «С детства у меня была страсть к рисованию, и одновременно с гимназией я окончил Киевскую художественную школу, в которой проявил немалые художественные способности, участвовал в одной из передвижных выставок небольшой картинкой, изображавшей старика-нищего, стоящего с протянутой рукой. Влечение к живописи у меня было настолько сильным, что по окончании гимназии решил поступать в Петербургскую академию художеств», — эти слова святителя Луки из его автобиографии знакомы всем, кто интересовался его биографией [6, с. 3].

Однако каждая личность как драгоценное творение Божие является цельным «сплавом» разнообразных способностей и устремлений. Известный российский антрополог Я. Я. Рогинский выделял в природе человека три базовых типа личности: Мыслитель, Художник и Правдолюб. Чистые типы по этой классификации встречаются очень редко, смешанные или слабо выраженные — чаще. В личности святителя Луки, как совершенно уникального человека, произошло гармоничное слияние и развитие всех базовых типов.

Начало его жизненного пути связано с реализацией его художественных способностей. Киевский гимназист Валентин Войно-Ясенецкий обучался в рисовальной школе известного педагога живописи Н. М. Мурашко, открытой в 1876 г. В свое время ее учениками были такие разные художники, как Валентин Серов, Константин Маковский и Казимир Малевич.

Здесь Валентин впервые пробует свои силы в живописи и рисунке. В этих занятиях его интересует прежде всего работа духа, поиски истины, смысла жизни, а не техническая виртуозность, которой он был щедро одарен от природы: «Я пошел бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилось основное религиозное направление в моих занятиях живописью» [6, с. 4]. Он сам вспоминал, что в это время каждый день ездил в Киево-Печерскую лавру и зарисовывал богомольцев, странников, молящихся прихожан, просто прохожих, быстро постигая процесс художественного творчества. Сделанные в это время талантливым юношей наброски разных людей тонко отражают их душевное состояние и яркие особенности внешности, в них чувствуется талант и уверенность незаурядного дарования [5, с. 24–25]. За свои

художественные работы на выставке в рисовальной школе Валентин получил премию.

В архиве внучатого племянника святителя Н. Н. Сидоркина сохранились две пейзажные зарисовки: изломанное бурями мощное дерево, стойко сопротивляющееся непогоде, и пейзаж в Китаево (1895 г.). О последнем рассказывают воспоминания внучатого племянника Г. Н. Сидоркина, ставшего профессиональным художником: «Сколько себя помню, в доме дедушки, всегда перед глазами небольшой пейзаж размером с альбомную страничку в черной рамке с золотым обрезом...изображено поле, точнее луг начала лета (одуванчики еще желтые). Вдали синее лес... Тишина, простор, умиротворение. Живопись очень решительная, совершенно профессиональная... без зализывания и излишней детализации. В общем-то, это этюд с натуры, но точно найденный образ делает его картиной. В нижнем углу карандашом по сырой краске мелкая, но разборчивая подпись: «В. Ясенецкий», на оборотной стороне «1895 год, деревня Китаево». Значит, дедушке было тогда 19 (18) лет... Деревня Китаево — ведь это то самое Китаево, в котором в середине XVIII в. бывал замечательный философ, оригинальный и глубокий богослов Григорий Сковорода. Свое восхищение природой, Божьим творением он вкладывал в страстный религиозный восторг. Китаево поминается им как место совершен-

но особенное. Нет ли в этом особого знака? Проходит полтора века, и юный художник вдохновлен местом, в котором душа Григория ...Даже зная все, что было потом с ВФ (Валентином Феликсовичем — Е.К.), понимая и принимая его выбор, все же очень грустно — каким прекрасным художником он мог стать! ...Прекрасные портретные зарисовки, отточенные мастерски наброски фигур крестьян, богомольцев... Во всем твердость, уверенность, мастерство» [3, с.165].

Изучая ранние рисунки будущего святителя, можно сделать некоторые заключения о его характере и о том, что интересовало этого необычного молодого человека. Часто с болью и состраданием он изображает печальные, смиренные лица крестьян и бедных горожан, их нищий быт (рис. 1). И на тех же листах — пузатые купцы или тяжелое, властное лицо жандарма с жирными складками. Все это вполне отражает жажду социальной справедливости, сочувствие к простому народу, которые остались в нем на всю жизнь.

После окончания гимназии и школы Мурашко в 1896 г. Валентин принимает решение поступать в Петербургскую академию художеств, но потом изменяет его: заканчивает один курс юридического факультета Киевского университета Святого Владимира, затем решает продолжить свое художественное



Рис. 1. Рисунок Валентина Войно-Ясенецкого, ученика Киевской рисовальной школы Николая Мурашко. Из коллекции Н. Н. Сидоркина

образование в Мюнхене, в частной школе Генриха Книрра.

В Мюнхенской пинакотеке Валентин рисует скульптуры и копирует фигуры с картин известных художников: сохранились его наброски с работ Микеланджело, Донателло.

Однако через три недели бывший студент возвращается домой — и снова в поисках жизненного пути. Им владеет убеждение, что надо найти в жизни путь, который принесет максимальную пользу простым, бедным, страдающим людям. И Валентин Войно-Ясенецкий отказывается от устоявшейся мысли стать художником. «Я послал матери телеграмму о желании поступить на медицинский факультет, но все вакансии уже были заняты, и мне предложили поступить на естественный факультет, с тем чтобы после перейти на медицинский. От этого я отказался, так как у меня была большая нелюбовь к естественным наукам» [6, с. 7]. Поистине, достойно удивления такое признание от того, кто стал одаренным анатомом, великолепным диагностом и непревзойденным врачом!

Выбор юноши определила встреча с директором народных училищ, к которому он явился, чтобы просить места сельского фельдшера или учителя начальных классов в сельской школе. «Директор оказался на редкость проникательным человеком. Он сделал больше, чем смогли родные и близкие Валентина, вместе взятые. Как лицо постороннее, директор...не стал принимать в штыки малопонятное желание вчерашнего гимназиста. Он сделал вид, что разделяет народнические устремления молодого человека...вместе с тем энергично убеждал повременить с ними, потому что врач сможет принести простому народу стократ больше пользы, чем просто фельдшер или сельский учитель» [7, с. 37].

В. Ф. Войно-Ясенецкий поступает на медицинский факультет в Киевский университет Святого Владимира в 1898 г. Однако не оставляет свои художественные занятия: известен карандашный портрет профессора М. А. Тихомирова, заведующего кафедрой описательной анатомии и декана медицинского факультета, а также автопортрет Валентина 1900 г. Единственный студенческий кружок, который он посещает в первые годы университета — это кружок изобразительного ис-

кусства. Сохранилось и фото 1900-х гг., запечатлевшее занятия этого кружка, который вел искусствовед профессор Г. Г. Павлуцкий. [7, с. 44].

Автопортрет изображает независимого, погруженного в свои мысли молодого человека, исполненного решимости, с проникательным острым взглядом (рис. 2).



Рис. 2. Автопортрет Валентина Войно-Ясенецкого, 1900 г.

Вскоре — видимо, во многом благодаря занятиям у профессора Тихомирова, а также в связи с началом изучения топографической анатомии под руководством профессора П. И. Морозова — с Валентином Войно-Ясенецким произошла очень важная метаморфоза. «...Я учился на одни пятерки и неожиданно чрезвычайно заинтересовался анатомией... На третьем курсе я страстно увлекся изучением операций на трупах. Произошла интересная эволюция моих способностей: умение весьма тонко рисовать и моя любовь к форме перешли в любовь к анатомии и тонкую художественную работу при анатомической препаровке и при операциях на трупах. Из

неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии», — вспоминал впоследствии святитель Лука в своей автобиографии [6, с. 4].

Сохранилось несколько рисунков того времени: череп, тонко и уверенно прорисованные мышцы бедра (рис. 3 а, б). По-видимому, к этому же времени можно отнести и портрет пожилого мужчины на коленях (молящегося?), в котором без труда угадываются черты отца святителя и даже одежда сходна с той, в которую облачен Феликс Станиславович на фотографиях: темный сюртук, белая рубашка с низким стоячим воротничком, узкий черный галстук. Образ отца, хотя и написан с любовью, дан достаточно критично и трезво.

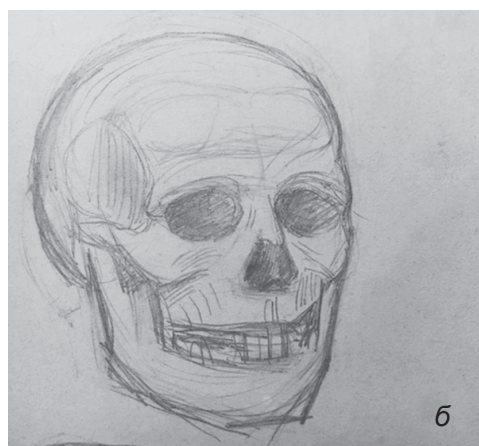


Рис. 3. Анатомические рисунки Валентина Войно-Ясенецкого: мышца бедра (а); череп (б). Из коллекции Н. Н. Сидоркина

Мы не знаем, много ли рисовал Валентин Феликсович после окончания университета — большинство его рисунков не датированы. Но то, что развитие его художественных способностей продолжалось, можно утверждать с уверенностью. Хотя интересы молодого врача теперь лежали в другой области: главные усилия прикладывались к тому, чтобы наглядно отобразить важные достижения его врачебной и научной работы. Он стремится уже не к художественной выразительности, а к максимальной точности и лаконичности. К графике добавилось увлечение новым в России искусством фотографии. «Фотографировать Валентин Феликсович начал в Переславле, — писал М. А. Поповский со слов сыновей святителя. — Мастерством этим, как всем, за что брался, овладел капитально. По многу раз фотографировал анатомические объекты и всякий раз записывал в специальную книжечку, какая была выдержка, освещенность, диафрагма, каким получился снимок» [8, с. 73].

Валентин Феликсович помещал фотографии и рисунки в «Отчеты о деятельности Переславской земской больницы», чтобы продемонстрировать особенно яркие случаи. Но особенно много рисунков он сделал для своей монографии «Регионарная анестезия», ставшей основой для его докторской диссертации, блестяще защищенной в Императорском Московском университете в 1916 г. [10, с. 21, 25–27, 30–35]. Эти рисунки стали истинным украшением монографии, значительно облегчавшим усвоение изложенного в ней материала. «Фотографии в диссертации четки и убедительны. Но еще лучше рисунки. Они изящны и почти стереоскопичны. Через полтора десятка лет после последнего киевского этюда несостоявшийся художник Войно-Ясенецкий еще раз показал, на что он способен», — пишет Марк Поповский [8, с. 73]. Однако это не совсем точно: Валентин Феликсович еще долго продолжал рисовать, хотя бы время от времени. Одним из доказательств может служить карандашный портрет из коллекции Н. Н. Сидоркина, который, по моему предположению, может быть изображением Петра Ивановича Карузина, профессора кафедры описательной анатомии ИМУ, бывшего оппонентом на докторской за-

щите Войно-Ясенецкого. На рисунке характерные черты облика Карузина — высокий с залысинами лоб, небольшие пушистые усы, резкие носогубные складки, густые брови, слегка насупленные над крупными глазами — дополнены еще и особенностями походки (руки за спиной, корпус чуть наклонен, спина сутулится), что вполне согласуется с некоторыми фотографиями Карузина, на которых видно, что он был много выше среднего роста и слегка сутулый (рис. 4).



Рис. 4. Предполагаемый портрет профессора анатомии П. И. Карузина

П. И. Карузин читал курс анатомии в Московском училище живописи, ваяния и зодчества, что также могло заинтересовать Валентина Феликсовича. Хотя близких отношений между ними не было: сам святитель писал, что «профессор Карузин, очень взволнованный, подбежал ко мне и, потрясая мою руку, усердно просил прощения в том, что не интересовался моей работой на чердаке, где хранятся черепа, и не подозревал, что там создается такая блестящая работа» [6, с. 16]. Однако, как

любого художника, Войно-Ясенецкого могла привлечь яркая внешность человека, даже если он просто прошел мимо него по коридору. В данном же случае профессор-анатом и экстерн кафедры П. И. Дьяконова (Войно-Ясенецкий поступил к Дьяконову в 1909 г. и продолжал занятия интересовавшей его темой еще 7 лет), конечно, встречались не однажды.

Многие сделанные в Переславле-Залесском фотографии жены и детей хирурга Войно-Ясенецкого не только представляют собой хронику жизни семьи, но и являются художественным творчеством: образы Анны Васильевны, Миши, Елены и Алексея, а потом и маленького Валентина очень выразительны.



Рис. 5. Фото младшей сестры святителя Луки Виктории Феликсовны с мужем в Переславле-Залесском. Из коллекции Т. В. Войно-Ясенецкой

По фотографиям того времени удалось прояснить некоторые эпизоды биографии святителя Луки. Из воспоминаний младшей сестры святителя, записанных Поповским, известно, что Викториа Феликсовна приезжала к брату в Переславль-Залесский. Об этом свидетельствует и фотография из архива Т. В. Войно-Ясенецкой, где молодая женщина в пальто и шляпке стоит на крыльце деревянного дома рядом с женщиной старше ее,

по-видимому, мужем (рис. 5). Фото сделано в Переславле-Залесском, в чем мы можем убедиться по другой фотографии, где Анна Васильевна Войно-Ясенецкая с детьми сидит на том же самом крыльце — рельеф двери полностью совпадает. Год, в который сделан второй снимок, определить легко — 1913-й, поскольку детей только трое, Анна Васильевна в положении, а мы знаем, что в конце 1913 г. на свет появился на свет сын Валентин.

Однако Марку Поповскому осталось неизвестно, для чего приезжала Виктория Феликсовна. Это удалось выяснить при исследовании «Отчетов о деятельности Переславской земской больницы за 1913 год», написанных В. Ф. Войно-Ясенецким, в ту пору главным врачом и хирургом этого медицинского учреждения. В них есть запись о лечении «Норберта Д., киевского дворянина». По довольно редкому имени, совпадению первой буквы фамилии и места жительства мы можем уверенно утверждать, что это Норберт Дзенькевич, муж младшей сестры святителя Виктории. Из истории болезни ясно, что обратился он по поводу перигастрита и невроза желудка, а до того, в марте, лечился в киевской клинике профессора Образцова, где было проведено лечение язвы желудка. Однако состояние его только ухудшилось, было рекомендовано оперативное лечение. И Виктория Феликсовна, зная хирургический талант своего среднего брата, а возможно, и по рекомендации его киевских коллег, отправилась в Переславль. «После приезда больного в Переславль... операция 18 апреля под хлороформно-эфирным наркозом, разрез от мечевидного отростка до пупка был сделан при местной анестезии, но по вскрытии брюшной полости пришлось перейти к наркозу вследствие нетерпеливости больного... в области привратника найдены небольшие сращения... сращения эти были разорваны пальцем... при осмотре желудка замечены сильные его движения... Зашивание брюшной раны представило немалые трудности и вследствие большой толщины подбрюшинного и подкожного жира... 19 мая уехал в Киев, освободившись от болей...» [9, с. 121–122].

Эта страница семейной истории важна не только как подтверждение теплых и дружеских отношений между будущим святите-

лем и его младшей сестрой. Как прокомментировал при изложении этого материала на Московском научном обществе историков медицины (МНОИМ) хирург, доктор медицинских наук С. П. Глянцев, разрез, который был сделан во время операции, очень обширный, как это было принято в то время и как это было характерно для оперативной техники Войно-Ясенецкого. Однако при местной анестезии трудно добиться обезболивания данной области, вот почему хирургу пришлось чуть позже применить общий наркоз. В то время, когда он оперировал Норберта Дзенькевича, В. Ф. Войно-Ясенецкий еще только опробовал методы местной и регионарной анестезии, так что они были недостаточно совершенны.

Но вернемся к художественному творчеству святителя. Оно продолжалось, и хотя существует немало легенд о якобы написанных им иконах, достоверно не известно ни одной, которую можно приписать ему (по тем же легендам, иконы были сожжены).



Рис. 6. Портрет жены святителя, Анны Васильевны.
Из коллекции Т. В. Войно-Ясенецкой

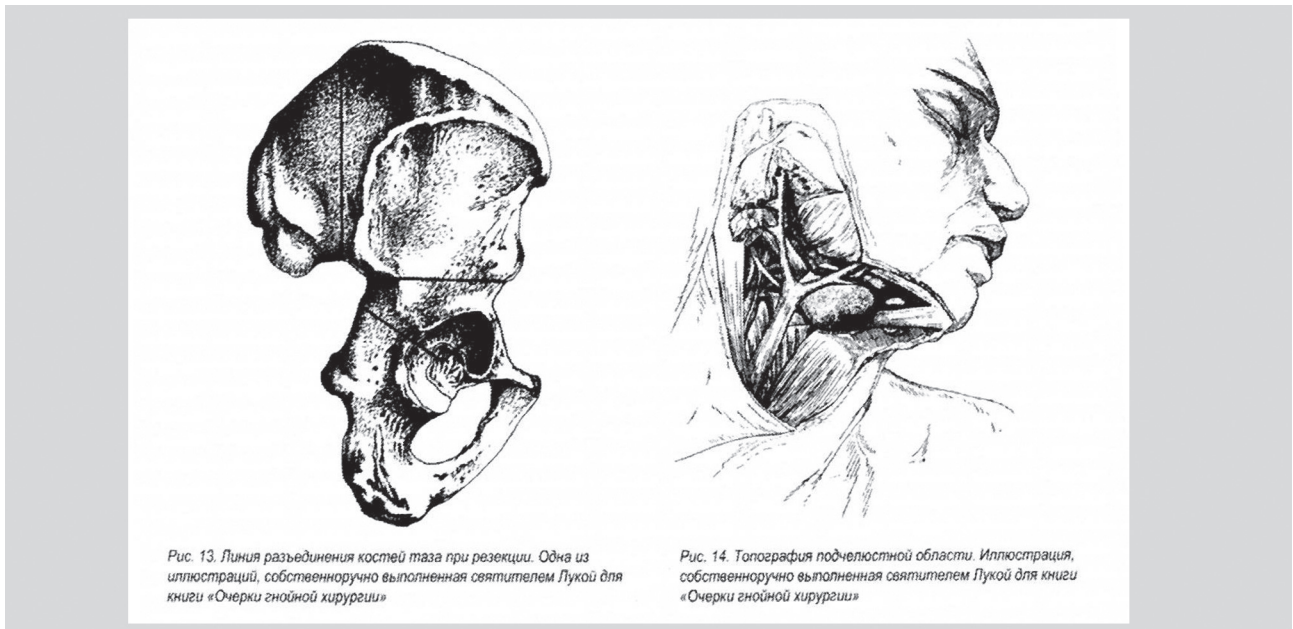


Рис. 7. Оригинальные рисунки В. Ф. Войно-Ясенецкого, подготовленные для книги «Очерки гнойной хирургии»

У Татьяны Валентиновны Войно-Ясенецкой, правнучки святителя, хранится выполненный пастелью небольшой портрет жены хирурга, написанный, вероятно, уже после ее смерти: стройная женская фигура в длинном платье и широкополой шляпе движется по тропинке в потоках света (рис. 6). По-видимому, это было последнее обращение святителя к живописи. Художественные способности и творческий потенциал выдающегося хирурга, который вскоре принял священнический сан, нашли свое выражение в другом: тонких и точных анатомических рисунках, иллюстрирующих его профессиональную деятельность. Мы можем с уверенностью сказать это о периоде, когда он переехал в Ташкент и участвовал в начале 1920-х гг. в создании медицинского факультета Туркестанского Государственного университета. По воспоминаниям современников, профессор кафедры оперативной хирургии с топографической анатомией В. Ф. Войно-Ясенецкий стремился к тому, чтобы студенты овладевали предметом как можно основательнее. Для этого нужны были наглядные пособия.

По свидетельству будущего академика И. А. Кассирского, работавшего тогда в Ташкенте, Валентин Феликсович выполнил серию «пояснительных цветных рисунков по топографической анатомии, которые использовались им в ходе чтения лекций» [4]. Они были украшением кафедры, ютившей-

ся в трех неотопливаемых кабинетах, и сохранялись в ТГУ по крайней мере до конца 1960-х гг. А ташкентские студенты вспоминали лекции профессора Войно-Ясенецкого, уже отца Валентина, как праздник: по свидетельству хирурга С. А. Масумова, читал он «просто, хорошо. Запомнился гибкий богатый русский язык профессора. Мы уходили с лекций обогащенные его мыслями, увлеченные и заинтересованные сложностью и остроумием конструкции человеческого тела...» [7, с. 259]

В дальнейшем великолепно выполненные анатомические рисунки сопровождали многие работы епископа Луки: он делал их и для своих научных статей, и особенно много — для «Очерков гнойной хирургии», вышедших тремя изданиями [1, с. 36–37, 194–197, 284–285 и др.]. В третьем издании 1956 г. использовались рисунки двух предыдущих, поскольку в 1955 г. владыка уже потерял зрение и не мог рисовать.

В последние годы жизни он становится не субъектом, а объектом искусства: известен его скульптурный портрет, выполненный в 1946 г. Михаилом Олениным по просьбе главного хирурга НИИ им. Н. В. Склифосовского С. С. Юдина. Всем знакомо фото, где владыка Лука позирует Оленину — величественный, спокойный, внутренне сосредоточенный. В 1946 г. епископ Лука побывал на операциях Сергея Сергеевича Юдина, которого высо-

ко ценил, оставив в книге отзывов надпись: «Хирургу будущего — от хирурга прошлого». Однако хирургический талант святителя Луки, так же, как и его дар целителя, величие его личности, его подвиг мученичества и исповедничества уже в наше время находят отражение в разных видах искусства.

Литература

1. *Войно-Ясенецкий В. Ф.* Очерки гнойной хирургии. М.: Медгиз, 1956.
2. *Каликинская Е. И.* Народный врач, ученый, подвижник: В. Ф. Войно-Ясенецкий (святитель Лука) в Переславле-Залесском. М.: Москва, 2016.
3. *Каликинская Е. И.* Святитель Лука: факты, документы, воспоминания. М.: Дарь, 2015.

4. *Кассирский И. А.* Воспоминания о профессоре В. Ф. Войно-Ясенецком // Наука и жизнь. 1989. N 5. С. 76–89.
5. *Лисичкин В. А.* Лука, врач возлюбленный. М.: Издательство Московской патриархии, 2013.
6. *Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий).* Я люблю страдание. Приход храма Духа Святого Сочествия. М., 2003.
7. *Священник Георгий (Шевченко).* Пишет Вам Лука, врач возлюбленный. СПб.: Наука, 2009.
8. *Поповский М. А.* Жизнь и житие архиепископа Луки, святителя и хирурга. СПб.: Сатисъ, 2013.
9. *Ясенецкий-Войно В. Ф.* Отчет о деятельности Переславской земской больницы за 1913 год. Владимир на Клязьме: Типо-литография губернской земской управы, 1914.
10. *Ясенецкий-Войно В. Ф.* Регионарная анестезия. Петроград, 1915.

Екатерина Игоревна Каликинская — выпускница кафедры генетики биологического факультета МГУ (1978–1983). Сотрудничала с журналом «Наука в России» (издание Президиума АН СССР). С 1994 по 1998 гг. была заведующей отделом медицины и биологии журнала «Наука и жизнь», в 1998–2004 гг. — заместителем главного редактора изданий «Семейный доктор», «Здоровье». С 2005 г. занималась изданием медицинской литературы.

В 2012 г. при поддержке Федеральной целевой программы «Культура России» вышла книга Е. И. Каликинской «Образы великих хирургов». По предложению правнучки святителя Луки Т. В. Войно-Ясенецкой написала несколько книг о святителе: «Мужицкий врач, ученый, подвижник: В. Ф. Войно-Ясенецкий в Переславле-Залесском» (2015, 2017), «Святитель Лука: факты, документы, воспоминания» (2015), «Детство со святителем Лукой» (2016), также опубликовала статьи о нем в изданиях: «Медицинский вестник», «Аргументы и факты. Здоровье», «Православие и медицина».

С 2014 г. Екатерина Игоревна Каликинская ведет циклы передач на радио «Радонеж»: «И один в поле воин» (о святителе Луке), «Великие семьи России».

